

№ 441 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ПЕТРА И ПАВЛА

Антоний Блум 1970

Мы празднуем сегодня день святых Апостолов; и мы не всегда отдаем себе отчет, как мы должны быть им благодарны за то, что мы сейчас веруем во Христа, что мы можем Ему молиться, просто за то, что мы — Христовы. Им было дано так много, что они могли бы замкнуться на этом и сказать: Для меня этого хватит на всю жизнь... Апостол Иоанн, говоря об апостольском свидетельстве, пишет: Мы говорим о том, что мы видели, что слышали, что осязали... Они говорят о Христе, Которого знали как друга, и познали как воплощённого Бога; они могли бы, восприняв такое неопишное, бездонное богатство, уйти в себя и жить этой вечностью, славой, этой глубокой новой жизни, открывшейся в них.

Ведь выход на проповедь был для них жертвой; они должны были говорить о том, что для них было дорого, что, наверное, хотелось сохранить в тайне. Но сию тайну они открыли всему миру, потому что она миру была нужна, и потому что от Христа они научились любви.

И открытие миру Христа стоило им дорого: Апостолы ценой своей жизни передали эту радость другим. За раннюю проповедь в Иерусалиме, за то, что они говорили об Иисусе, о новой жизни, которая пришла в мир, о новой радости и вечности, всё побеждающей, апостолов не только изгоняли — их били, их сажали в тюрьмы, их истязали. И когда они вышли в широкий, далёкий мир, — который для нас теперь стал довольно-таки небольшим, но тогда измерялся человеческим шагом, — они шли, брели через пустыни, плыли через моря, проходили через леса, подвергались опасности от разбойников, от бури, от лжебратьев, как говорит Павел. И всё это потому, что их сердце было переполнено любовью, жалостью ко всем до той степени, что о чуде вечной жизни, о радости Христовой они не могли умолчать, делились со всеми, пока были живы; и ни один из них, кроме апостола Иоанна Богослова, не умер естественной смертью в старости — пострадали: кто был обезглавлен, кто распят, кто иначе умучен; и всё же, видя, как собратья умирают за проповедь Христа, апостолы шли, шли и пропове-

довали — не могла удержаться их душа замкнутой, не могла удержаться в их душе весть жизни и любви.

Пётр и Павел, другие апостолы из 12-ти, апостолы из 70-ти. Это не просто имена — это имена тех людей, благодаря которым мы сейчас живы, благодаря которым мы сейчас познали Христа. Не было бы этих имен — была бы пустыня в наших душах.

Будем же вспоминать каждого из них, повторять их имена, как родных, дорогих нам людей — братьев, сестёр, родителей, невесты; будем повторять эти имена благоговейно, ласково, потому что эти люди, простые рыбаки, так полюбили Бога, что свою жизнь отдали за каждого из нас. Ведь каждое слово евангельское, которое касается наших душ, — это живое слово или Матфея, или Луки, или Марка, или Иоанна, либо кого иного из писателей Нового или Ветхого Завета. Эти люди нам говорят с этих страниц, и они же свидетельствуют нам с крестов, на которых были распяты, с костров, на которых горели, из пустынь, где изнывали жаждой, из глубин морских, в которых тонули, как тот же Павел, целую ночь и целый день, борясь за жизнь: не свою, а чтобы дойти до места, где люди ещё не слышали о Христе, куда не донеслась ещё весть о Боге Живом, Который не постыдился стать одним из нас, хрупким, и уязвимым.

Но о чём ещё говорят нам эти имена апостолов? Они вопрошают каждого из нас — а похожи ли мы на этих апостолов? Разве из Церкви или евангельских слов, или из радости братского общения с родными нам по вере мы не стараемся извлечь всё тепло, всю надежду, всю любовь, всю силу, всё ликование, весь свет, который они нам могут дать, — а, извлёкши, храним их в своей душе, чтобы ими насладиться, вместо того чтобы, возгоревшись огнём любви и Духом Святым, забыв о себе, спешить к кому-нибудь из тех обездоленных, жаждущих, несчастных, у которых нет радости в душе, которые не верят жизни, которые не знают, что Бог верит в них, вплоть до становления человеком и до Распятия на Кресте.

Мы слишком замкнуты! И благовестие, и радость, и любовь, и жизнь в наших душах чахнут, вымирают, потому что нет им простора, ибо то, что Бог нам даёт, это не робкий порыв, а такая сила, которая не может удержаться в малых, узких наших сердцах. Евангелие даётся нам не для сладостного воспоминания, а для того, чтобы жить всем простором жизни земной и жизни небесной. В противном случае мы не удержим в себе небесной радости...

Вдумаемся в этот образ жертвенной, самозабвенной, ликующей, поистине крестной любви апостольской, и станем друг к другу, ко всякому человеку, встреченному на пути, относиться, как ныне празднуемые нами Христовы апостолы Пётр и Павел; и тогда наш мир станет светлей, теплей, тогда Христос найдёт Себе место на этой земле.

Воспитание детей.

Закругляя нашу тему «Христианство и сексуальная культура», о которой можно говорить бесконечно, хотя лучше всё-таки в индивидуальном порядке, в качестве заключительного аккорда приведём замечательные слова ап. Павла из Послания Коринфским христианам: «Каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа; муж, оказывай жене должное благорасположение, подобное и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж, равно и муж не властен над своим телом, но жена, и не уклоняйтесь друг от друга» (1Кор.7,2). Поэтому, как сказано в другом месте Библии, «наслаждайся женой юности своей». Наслаждайся. И раз речь идёт о жене юности, то это обрисовано человеку совсем не юному, которому надо уметь наслаждаться, и не одними только воспоминаниями. Во-вторых, плотскую любовь, также, как и душевную, можно разделить, говоря языком Клайва Льюиса, на божескую и бесовскую. Божеская – это когда можно её сформулировать словами: «хочу, чтобы **ТЕБЕ** было хорошо со мною». И бесовская любовь, которая формулируется как: «хочу, чтобы **МНЕ** было хорошо с тобою». И последнее – избегать причинения боли другим и, в первую очередь, самому близкому человеку, понимая, что измена причиняет ему подчас невыносимые страдания...

Ну а теперь к детям.

Сразу же надо сказать, что сфера воспитания – это, так сказать, совершенная терра инкогнита. Не случайно в истории и в современности мы сталкиваемся с очевидными крайностями без промежутков. Если на тему какой-то подлинной любви между мужчиной и женщиной сказано много вдохновенных слов, и не только христианами, то по части воспитания чад что-то выудить из исторического опыта довольно сложно. То есть, нужны какие-то титанические усилия, глубокие раскопки, чтобы что-то добыть из недр. Это только кажется, что по всем вопросам всё уже сказано. О многом вообще ещё нигде и никем не упомянуто. И поэтому в значительной степени нам приходится не только искать и сопоставлять написанное, но и нередко даже изобретать что-то на ходу.

При всем том, что эта капиталнейшая из задач от христиан никуда не девается. Мы с вами хорошо знаем слова Христа: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное». А вот что значит – «не препятствуйте приходить ко Мне...» (Мф. 19, 14), ведь речь идёт о том, что дитя, сердцем завидя Христа, к Нему тянется. Ребёнку вообще крайне необходима теплота, такой покров в жизни. Дети вообще очень беспомощны. Они, конечно, любят шалости, озорство, но это, собственно, что? Это форма выхода за рамки той атмосферы, в которой ребенок живёт. Но без этой тёплой сферы ребёнку очень неуютно. А что может быть для человека ласковее, теплее, желаннее, чем присутствие Самого Господа? И может быть, именно поэтому эта скупая евангельская сцена не нуждается в том, чтобы её подтверждали или разъясняли. Где Господь, там к Нему бегут дети.

Но в Евангелии речь идёт о реальности физической встречи. Мы с вами призваны устранить все препоны на детском пути ко Христу в ре-

альности духовной, когда есть только одна возможность встречи – присутствие Христа в наших сердцах. Имеется в виду, что физически Господа с нами здесь нет. Тем более, учитывая то, что взрослые в истории христианства и для себя-то плохо представляли, что значит устроить для себя христианское бытие в мире, где бурная жизнедеятельность. Что уж говорить о том измерении, этой духовной реальности, которая должна была бы ребёнка убедить в том, что здесь тепло, потому что здесь Господь, вот Он, с нами, и вообще, это видно, видно по тому, что происходит в доме, за пределами дома, видно по людям, с которыми ребёнок сталкивается... Увы, то, что каждый появляющийся на свет младенец представляет собою сгусток тайн жизни, – это далеко не очевидно ни христианам, ни нехристианам. И те, и другие, в том случае, когда они нормальные люди, просто рады тому, что родилось чадо. Как говорил добрейший толстяк всех времен и народов, который осчастливил своим присутствием английский народ, Гилберт Честертон: «Не может нормальный человек спорить с тем, что дети – это приятно. Мир стоит на том, что дети – это приятно, что цветы – это красиво, что весна лучше зимы». Потому что весну ждут, а вот зиму не очень.

Так вот, дети – это приятно, и тут люди всех цветов, мастей и убеждений помирятся на этом. Но это столь же очевидно и фундаментально, сколь и банально. Потому что эта приятность – как влюблённость: проходит, и довольно быстро. Есть такой замечательный порослячий возраст, в котором не бывает ни некрасивых, ни скучных детей. Вот знаменитое «от двух до пяти». Почему от двух – понятно: потому что к двум годам ребенок, как правило, уже говорит. Пупсик такой. А до пяти – потому что после пяти уже начинается необратимый процесс взросления, со всеми вытекающими отсюда мрачными прелестями, когда человеческая дурь из маленького человечка уже лезет. И капризы его уже не милы, и жизнь его заставляет куда-то стремиться, а он этому сопротивляется, у него появляются свои собственные желания, которые входят в конфликт со всем остальным миром... В общем, начинается довольно-таки неуютное существование – и для ребёнка, и для родителей. Но вот от двух до пяти – это золотое время, когда ловится каждое слово. Ну, опять же, конечно, в разных условиях – если нет никакой патологии в отношениях. Потому что ещё в самом начале можно так исказить свои отношения с ребёнком, что потом бед не расхлебашь.

Ну, если продолжать эту констатацию Честертона, то от двух до пяти – это время, когда кажется, что только болваны всерьёз раздумывают, иметь детей или не иметь. Потому что посмотришь на это чудо (особенно когда оно спит) и думаешь: ну как можно себе представить, что его нет? Жуть, ужас, невозможно. И говорить об этом возрасте приятно, рассказывать, что наметни пролепетало твоё чадо. Что, собственно, очень любят молодые мамы, общаясь между собою.

Но этот благословенный период, хотя и не всегда беззаботный, быстро заканчивается, и начинаются уже проблемы посерьёзнее.